

## Я учился у него жизни...

Он для меня был не только другом, любимым преподавателем, но и учителем по жизни. У нас было много встреч, посиделки, обсуждение вопросов которые волнуют его и меня. Оказывалось, что наши мысли и мировоззрение совпадают. Мне кажется, что многие черты, которые были у него, как то перешли ко мне... Вот я смотрю сейчас на себя, когда иду бриться, и вижу что стал на него похож... Он все время в моей душе...

**Преподаватель.** Первая встреча произошла на историческом факультете. В 1968 году я приехал в Одессу поступать на исторический факультет. Оказался и на факультете случайно, и случайно знаком с Владимиром Никифоровичем.

Дело в том, что до 1968-го я учился в Кишиневской государственной консерватории, которая была переименована в Государственный институт искусства имени Г. Музическу. Потом отслужил три года в армии. Демобилизовался я в декабре месяце, а там сессия закончилась. Мне сдавать было не с руки. Консерватория – это специфическое учебное заведение, где не выучишь за неделю и сдашь. Там надо сдавать и композиции, и вокал. Поэтому ректор принял решение дать мне на год академический отпуск.

Так произошло, что моя служба в армии была за границей. Там я познакомился с большим историком, с большим другом Владимира Никифоровича – с Петряевым Константином Дмитриевичем. Он был доктором исторических наук, профессором заведующим кафедрой Новой и Новейшей истории исторического факультета Одесского университета. Тогда он был в командировке два года в Улан-Баторе, а я там служил. Как-то он мне говорит: «Бросайте свои консерватории и давайте к нам в Одессу на исторический факультет, так как вы здесь занимаетесь комсомольской, политической работой...». Я в это время был освобожденным секретарем комитета комсомола на правах райкома. Вся моя публичная деятельность заставила меня подумать: стоит ли дальше учиться в консерватории?! За три года я многие навыки потерял (я занимался на вокальном отделении), сыграли роль и очень суровые климатические условия там, где я служил. Поэтому я подумал о предложении Петряева, о том, чтобы в дальнейшем поменять свой профиль учебы и приехать в Одессу поступать на исторический факультет.

В Одессе я до этого момента ни разу не был. В 1968 г. я приезжаю в город, помню, что Петряев К.Д. говорил мне: «Приходите, что касается меня, то я вас всегда поддержу...». Но Петряева я не мог нигде найти. Было лето. Документы в приемную комиссию сдал я в последний день, так как Кишинев их задерживал и мне не отдавал. Они надеялись, что я передумаю.

За день до экзамена я познакомился с Заирой Валентиновной Першиной. Она была деканом факультета и всегда проводила собеседования со всеми абитуриентами сама. Я был один из последних, кто был у нее на собеседовании. Пока я ей объяснял, почему выбрал исторический факультет, она листала мое личное дело. Говорит: «У вас есть задатки общественного деятеля, а как вы знаете историю?». А я завтра сдаю экзамены и говорю ей: «Завтра экзамен, он и покажет». Но она решила продолжить беседу и задала мне вопросы. Я детали не помню, но вопросы касались декабристов и революционно-освободительного движения. Позже я понял, почему она эти вопросы задавала.

Удивительно, передо мной сидела шикарная, красивая женщина! Я был весь смущенный, потому что мы сидели и беседовали на расстоянии где-то двух метров. Она за столом, а я с противоположной стороны. Она смотрит в упор. Она вела себя очень деликатно и так... немного свысока. Я абитуриент, и, отвечая на вопросы, пытался показать себя с самой лучшей стороны. Но когда я отвечал на вопросы, то не мог понять по её реакции: я отвечаю правильно или нет! И глубина моих ответов тоже мне была не понятна. Когда я ответил на все её вопросы, она говорит: «Ну... вот видите, как вы знаете!». И я опять не понял, она говорит утвердительно, или меня спрашивает? Может она сомневается в моих знаниях. Я сам начал сомневаться. Казалось бы, готовился, но сама беседа и ход моих ответов, и её вопросов меня во многом смущал. Единственное что меня успокаивало, что она поинтересовалась моими общественными делами. А я в это время работал директором Дома культуры в Кальчево. «О, так вы еще занимаетесь культурной деятельностью! Нам такие люди на факультете будут нужны,» – сказала Заира Валентиновна. Это меня немного успокоило.

На следующий день (а это было 2 или 3 августа 1968 года) я иду на вступительные экзамены. Сдавали мы экзамены на третьем этаже в главном корпусе на ул. Дворянской, 2. Это там, где сегодня расположен механико-математический факультет. Кажется, это была 78 аудитория. Я захожу в эту громадную аудиторию, а там сидят двое очень серьезных мужчин! Я еще таких серьезных людей не видел. Оба в очках, очень строгие внешне. Один из них был Владимир Никифорович Станко, а второй – директор археологического музея Иван Тихонович Черняков. Это я уже потом узнал.

Владимир Никифорович в этот год досрочно закончил аспирантуру Института археологии АН УССР в г. Киев и защитил диссертацию. В июне только прибыл на исторический факультет в качестве доцента кафедры истории древнего мира и средних веков. Так что, на историческом факультете он тоже с 1968 г. И первая его работа на факультете – это вступительные экзамены.

Я беру билет и иду готовиться, при этом испытываю громадное волнение. В первую очередь из-за беседы накануне с Заирой Валентиновной (появились сомнения в глубине моих знаний по курсу Истории СССР) и здесь еще два очень строгих, на мой взгляд, преподавателей, поглядывающих на меня из под очков. Владимир Никифорович ведет экзамен. Я отвечаю, они молчат и не задают мне никаких вопросов. В это время открывается дверь и заходит Заира Валентиновна. Она кинула взгляд на меня и как будто видела меня в первый раз. Как будто мы с ней не беседовали вчера. Она начала с ними беседовать. Я сделал небольшую паузу, а мне Владимир Никифорович говорит: «Что вы остановились?! Продолжайте. Отвечайте. Мы вас слушаем». У меня возникло сомнение, что они меня слушают. Я опасался, что буду недооценен. Но я продолжал отвечать и на все три вопроса ответил таким образом. Я понял так, что Владимир Никифорович был ведущий преподаватель на экзамене, то есть отвечал перед экзаменационной комиссией. Видно было, что он хочет слышать, что они там говорят и мой ответ. О чем они говорили, я не слышал. Они тихо там, а я громко! По сегодняшнему дню я не могу однозначно сказать, насколько были глубокими мои ответы. Когда Заира Валентиновна ушла, они начали обговаривать оценку. Стали задавать дополнительные вопросы. Черняков И.Т. обратил внимание на третий вопрос по культуре. Я естественно сказал, что в определенной степени профессионально разбираюсь в этом вопросе, так как раньше учился в консерватории, а сейчас работаю заведующим Домом культуры в Болградском районе. И тут Владимир Никифорович говорит: «Слушай, а наш Ленья Субботин не в Болграде

работает?». Я услышал фамилию Субботин. А это мой непосредственный начальник, заведующий отделом культуры в Болграде, профессиональный археолог. Дальше я распространялся о культуре, о знакомстве с Леонидом Васильевичем. Иван Тихонович говорит: «Ну раз у Субботина такие кадры – показывает на меня, – то мы надеемся, что Вы тоже будущий археолог». Но я еще не знал, что они археологи. Я молчу. Мне подают экзаменационный лист. Я думаю: «Ну слава богу у меня не «два». Тогда, если ставили двойку, то экзаменационный лист не отдавали. Я выхожу за дверь и смотрю, а там «пять» баллов. Честно сказать, я не знаю, на каком свете был, потому что от первого экзамена на историческом факультете зависело очень много. Больше я с Владимиром Никифоровичем во время вступительных экзаменов не встречался.

Исторический факультет располагался на ул. Советской Армии/Преображенская, 24, там где сейчас научная библиотека. Когда заходите в библиотеку, там где дежурный поворачиваете налево, там был буфет и туалет, а напротив кафедра древнего мира и средних веков и аудитория кафедры. 1 сентября нам объявили, что будет организационное собрание и его проведет куратор. Заходит декан Заира Валентиновна и представляет нам куратора, им оказался Владимир Никифорович Станко. Он волновался не меньше чем мы, так как преподавательской деятельности у него еще никакой не было, и куратором он тоже никогда не был. Мы как первокурсники волнуемся, а он как преподаватель, который начинает свою работу. Он произнес небольшую вступительную речь и стал знакомиться с каждым персонально. Когда подошла моя очередь, он меня узнал и сказал, что «с этим молодым человеком мы даже очень хорошо познакомились на вступительных экзаменах... Мы надеемся, что Вы один из первых кандидатов, кто будет заниматься археологией». Но я был далек от археологии! Даже не знал, что это такое. Я другими делами интересовался.

Все предметы, которые мы обнаружили в расписании, оказались нам на 90% не знакомы. Кроме Истории КПСС, иностранного языка, латинского и древнерусского языка. Древнерусский язык нам читали три семестра. Все остальные предметы были нам неизвестны. Это вызывало беспокойство. Наконец, мы надеялись на лекции, на занятия. Владимир Никифорович читал нам два предмета «Основы археологии» и «Первобытное общество».

Когда прошла первая лекция по «Археологии», мы были в полнейшем замешательстве. Было трудно понять. Мы практически очень мало поняли!. По мере чтения лекций, мы все больше убеждались, что этот предмет неординарный и очень тяжелый для простого ученика средней школы. Школа давала тогда неплохие знания, но всё что касается археологии, мы знали очень поверхностно. Владимир Никифорович излагал материал на языке очень для нас трудно. Все понятия и категории он объяснял с точки зрения высокой науки. Скорее всего, он надеялся, что у нас есть хоть какая-то элементарная подготовка, чтобы воспринимать эти лекции. И мы были в шоке, как будем сдавать экзамен.

Некоторая стабилизация наступила с началом практических занятий. У нас было две группы. Владимир Никифорович сам вел практику, и там уже появилась возможность задавать любые вопросы по теме. И тогда он понял, что надо нам излагать даже глубоко научные вещи таким языком и понятиями, чтобы мы могли войти в курс данной дисциплины. После первых двух семинарских занятий нам стало легче воспринимать и его лекции – он старался больше и доходчивее объяснять. В конечном счете, он добился положительного результата.

После первого семестра мы сдавали экзамен по «Основам археологии». Владимир Никифорович, даже будучи начинающим преподавателем, очень

лояльно относился к студентам. Та строгость, которую чисто внешне наблюдаешь у него, была только внешней оболочкой. Внутри он оказался как маленький ребенок, очень добрый! После первой встречи с ним и я, и мои сокурсники поняли, что более доброго преподавателя на факультете нет! Не добренького! А доброго, но и справедливого и строгого. Экзамены прошли успешно. Если я не ошибаюсь, то никто не получил двоек. Я у него получил «четыре» балла. Как я отвечал? Не могу сказать, что там были глубокие ответы, но вполне было удовлетворительно, он посчитал нужным поставить мне «четыре».

Во втором семестре мы изучали «Основы первобытного общества». Этот предмет он читал намного интереснее и доступнее. И нам некоторые моменты были знакомы со школы. Он излагал материал на хорошем уровне и все хорошо сдали экзамен. Я остался доволен сессией – получил «пятерку». Ни одного студента не отчислили.

Как куратор Владимир Никифорович каждую неделю проводил с нами кураторские часы. Он был исполнительный и очень дисциплинированный человек. Он не носился с нами как с детьми, был строг и справедлив. Интересовался нашей жизнью. Мы получали нарекания в основном не за учебу, а за посещение. Были некоторые нерадивые студенты, которые позволяли себе пропускать, опаздывать.

Он был строг, но на экзамене он понимал студентов и был очень либерален! Через много лет я вернулся к этой теме и спросил его: к чему все эти либеральные подходы? И он мне рассказал про Петра Осиповича Карышковского. Когда молодой Владимир Никифорович пришел на кафедру Карышковский П.О. был её заведующим, и он говорил преподавателям: *«Не забывайте, кто Вы и кем были, пока не стали преподавателями! Вы знаете, как я подхожу к экзаменам (авт.: а он был крайне лоялен). Будьте к студентам не только строги, но и снисходительны! Наши предметы специфические, объемы их громадные и с точки зрения подготовки они тяжелы! И тот, кто хочет иметь знания, он их будет иметь. А сейчас дайте им возможность учиться и оставаться на плаву, на историческом факультете...»* Он запомнил эти советы Петра Осиповича!

Карышковский Петр Осипович действительно был страшным либералом, за время своей работы он не поставил ни одной двойки. Этому была причина. Карышковский П.О. поступил на исторический факультет Одесского университета перед Великой Отечественной войной. Положение студентов было невероятно трудным. Он был великолепным студентом, учился отлично! Он и его однокурсница Завьялова Ирина Владимировна были лучшими студентами на курсе! Завьялова И.В. поражалась широтой его знаний. Она была очень требовательной, принципиальной и ставила двоек столько, сколько заслуживали! А он так не делал. Когда Петр Осипович был студентом, его материальное положение было архитяжелым и ему, в виде исключения, было дано право заниматься с одним слепым студентом, который был на историческом факультете. Государство выплачивало этому студенту стипендию для того, чтобы у него был репетитор. Репетитором был Петр Осипович. Потом они стали друзьями. А П.О. Карышковский за счет этой социальной стипендии мог учиться. Это мне Владимир Никифорович рассказал. Так вот, это наставление Петра Осиповича было для всех преподавателей кафедры, и все к нему прислушивались, за исключением И. Завьяловой. Все остальные – и А.Г. Загинайло и Я.П. Зинчук – были очень толерантны на экзаменах. И мы, студенты, это понимали.

Это был первый год работы Владимира Никифоровича на факультете. Мой первый курс закончился и его кураторство закончилось. Тогда существовало правило, что куратора назначала ведущая кафедра.

После первого курса я записался к нему на археологическую практику. Девушка, с которой я встречался, Семина Наталья Георгиевна увлеклась античностью и работала в античном отделе археологического музея. Её руководителем был Загинайло Анатолий Георгиевич. Археологическая практика второй половины группы проходила в Роксоланах. И тут встал вопрос: либо она должна пойти в мою группу и поехать со мной к В.Н. Станко на раскопки мезолитического поселения в Мирное (Кикийский район Одесской области), либо – я к ней. Но она отказалась, сказала, что ей это не интересно, и где Роксоланы, а где Мирное! Я пришел к Владимиру Никифоровичу и рассказал ему проблему. Он подумал и пообещал поговорить с Анатолием Георгиевичем. Так я оказался на археологической практике в Роксоланах.

Владимир Никифорович вёл для студентов археологический кружок. Наталья Семина регулярно туда ходила, делала доклады. Ей это было интересно. Я ухаживал за ней и тоже вынужден был туда ходить. Однажды, Владимир Никифорович меня спросил, чем я хочу заниматься в жизни. И я должен был быть честным. Я откровенно ему сказал, что археологией заниматься не хочу. Правда, пять лет я посвятил археологии как «помощник» Натальи Семиной. К этому времени (уже на втором курсе) мы были мужем и женой. Это единственный союз, наша свадьба, которая была на нашем курсе за пять лет. Она ездила на раскопки к Загинайло А.Г. и я ездил, но не потому, что мне была интересна археология, а потому что мне было интересно быть с ней, помогать. Там нужны были рабочие руки.

**Совместная работа.** С Владимиром Никифоровичем мы поддерживали отношения на уровне общественной и публичной работы. Когда я учился на 3-м или 4-м курсе, его избрали секретарем нашей партийной организации. Он сменил на этом посту Немченко Виктора Николаевича. Я удивился: почему? Дело в том, что в некоторых внешних отношениях кафедра древнего мира и средних веков была в конфронтации с деканом факультета. Насколько я понимаю, это связано с отношениями декана и заведующего кафедрой.

Петр Осипович Карышковский, как заведующий кафедрой, был известным ученым, нумизматом, педагогом. Но ему долгое время препятствовали в защите докторской диссертации за предыдущие погрешности в годы войны. Кафедра была под особым контролем и к ней было особое отношение со стороны деканата. Так как Владимир Никифорович работал на этой кафедре, то я удивился, когда он дал согласие и не отвел свою кандидатуру. Я присутствовал на собрании, когда его избрали секретарем партийной организации. Владимир Никифорович был с деканом в добрых, но официальных отношениях, а с заведующим кафедрой – в дружеских.

Я к этому времени был секретарем комитета комсомола факультета, принял эстафету секретарской работы от Глебова Виктора Викторовича. Со Станко мы стали сталкиваться чаще по общественной работе. Все мероприятия, важные дела факультета мы согласовывали втроем: декан, секретарь партийной организации и секретарь комсомольской организации. Десятилетиями позже, когда Владимир Никифорович уже стал деканом, во время совместной работы с Першиной З.В. над монографией «История Одессы», он, подводя некоторые итоги признает, что Заира Валентиновна «была лучшим деканом».

Как секретарь партийной организации Владимир Никифорович должен был отвечать за работу комитета комсомола – это во первых, и во вторых, он курировал выпуск стенгазеты исторического факультета «ИСТОРИК». Это был орган

деканата, партийной, комсомольской и профсоюзной организации. Профсоюзную организацию возглавляла Самборская Таисия Евтихиевна. Она здорово нас тогда поддерживала. Она здравствует и сейчас, живет в профессорском доме. Ей больше 90 лет. В общем, у меня сохранились самые добрые воспоминания об этом преподавателе.

Газета должна была выходить каждый месяц. Она была огромная – на всю стену! Для этого склеивали вместе пять листов ватмана. Без визы парторга выпуск этой газеты был невозможен. Чтобы она имела приличный вид и содержание Владимир Никифорович, после согласования с Заирой Валентиновной, предложил утвердить в качестве редактора молодого преподавателя Бачинского Анатолия Диомидовича. Бачинский читал нам курс «Историческая география». Мы были первым курсом, которому он читал этот курс. Он был беспартийный, а газета была идеологическая. И тогда Владимир Никифорович сказал: «Боря, если я рекомендую этого человека, то газета будет интересной!». Он оказался прав. Один раз в месяц мы собирались в кабинете партбюро (это кабинет был рядом с деканатом, там сегодня отдел библиографии библиотеки) и работали три дня до поздней ночи: начинали в субботу и заканчивали в понедельник. Собирались вся редколлегия во главе с А.Д. Бачинским. Владимир Никифорович приходил часто, но в работу не вмешивался. Он полностью доверял Бачинскому редактированию. Мы никогда не имели нареканий со стороны деканата и парткома. Когда были смотры этих газет, то исторический факультете всегда славился и был на первом месте по стеной печати.

Из чего состояла газета? Там была обязательно передовая рубрика. Писали кружковцы. Доклады, которые они готовили, перерабатывали и давали для газеты. Каждый курс имел свою колонку и должен был подготовить заметку о жизни курса и факультета. Обязательно кто-то из преподавателей с кафедр должен был подготовить статью в научно-популярном стиле. Была установлена очередность и ни один преподаватель, никогда не отказывал. По очереди все писали. Колонки о жизни факультета и университета были обязательно с левой стороны! Газета выпускалась красочной, особенно специальные выпуски к праздникам: на новый год, 8 марта, 7 ноября. Мне повезло, так как Анатолий Диомидович и Владимир Никифорович прилагали огромные усилия.

**После университета.** Я получил распределение в аспирантуру и должен был остаться на кафедре КПСС. Но это уже другая история, почему я туда не пошел. Я вступил в определенный конфликт с горкомом партии, который рекомендовал мне отказаться от аспирантуры и пойти работать заведующим кабинетом и на полставки ассистентом в одесскую консерваторию. Я отказался, хотел учиться в аспирантуре и не хотел ждать 5–6 лет, выполняя партийную разнарядку. Заведующий кафедрой Назым Мухамедзянович Якулов меня не поддержал... Но через десять лет он меня пригласил на кафедру и я дал согласие. У меня были занятия на юридическом и физическом факультете. Мы опять стали видеться с Владимиром Никифоровичем на собраниях, совещаниях. В это время он сблизился с политиммигрантом из Югославии, который преподавал на историческом факультете – Вукашином Миравеичем Миличем. Мы стали втроем часто встречаться в кофейне «Зося» на углу улиц Гоголя и Маяковского. Там был самый лучший кофе в городе! Мы обсуждали наши болгарские и югославские дела, часто спорили. Я ведь тоже, как и Станко – болгарин. Самыми «горячими» были споры, когда речь заходила о «македонской проблеме». Владимир Никифорович заявлял: «Я, как македонец, знаю всю глубину этого вопроса».

В 1976 году, когда в Одессе открыли филиал Института археологии АН Украины, Владимир Никифорович ушел с факультета. Он возглавил отдел археологии Северо-Западного Причерноморья. Занялся написанием докторской.

Встречи наши продолжились, когда он вернулся и стал деканом. Мы часто виделись, потому что жили рядом и ходили друг к другу в гости. Он в те годы очень уговаривал меня защитить диссертацию под его руководством. Дело в том, что моя первая диссертация по истории КПСС об использовании опыта Болгарии не была мною защищена. Когда из конституции была убрана статья № 6, стало понятно, что моя работа уже не актуальна. Я больше не хотел ничего писать. Но он был настойчив. Все наши встречи и беседы заканчивались аргументами: «Я хочу, чтобы ты мог спокойно работать...».

Мы часто ездили вместе читать лекции в Первомайский филиал университета. Он по своим предметам, а я по своим. Там мы работали по 2–3 дня. В одной из поездок, когда мы были там с Анатолием Семеновичем Васильевым (тогда декан юридического факультета), разгорелся большой спор. Речь шла о том, что в нашем университете на юридическом факультете недостаточно кандидатов наук и Анатолий Семенович высказал надежду, что я буду защищаться по юриспруденции. Я к этому времени закончил юридический факультет нашего университета заочно. В результате Владимир Никифорович сдался. Но у юридического факультета в ОНУ не было своего спецсовета по защита диссертаций и в моем присутствии они обсуждали возможность открытия единого совета по нескольким специальностям, где одна из специальностей должна быть юридической.

Владимир Никифорович перед тем как открыть докторский совет всё время ждал решения от юридического факультета. В Киеве уже все вопросы были решены, оставалось только подать документы. А между нашими докторами наук разгорелся спор о том, какая это будет специализация. Речь шла о хозяйственном административном праве или уголовном праве. И когда наступили конкретные сроки, а решения не было найдено, то Станко сказал: «...раз вы не можете договориться, я у утверждаю специализацию только по историческому факультету». Вот такая возможность была упущена в 1999 г.

Он меня воодушевил. Я начал готовить диссертацию о земельных отношениях в гражданском обычном праве в Украине. Владимир Никифорович советовал выбрать пограничную тему, которая связана и с историей и с юриспруденцией. Это давало возможность для маневра и углубляло исследование. Мы часто и подолго засиживались и обсуждали мою работу, научные проблемы и ситуацию на факультете. В один из таких вечеров я узнал о присуждении ему звания академика РАН. Он очень гордился, но не считал необходимым об этом событии много говорить.

Когда моя диссертация была готова, он прочитал её и написал отзыв на 20 страниц! Он до сих пор у меня есть. Его выступление и отзыв на диссертацию во время обсуждения на кафедре сыграли важную роль при рекомендации диссертации к защите. Еще до официальной защиты он стал настраивать меня на публикацию монографии и написание докторской. За неделю до его трагической операции я издал эту монографию и принес ему. Находясь в больнице, он давал мне советы о том, что нужно изменить в структуре, чтобы углубить исследование, которое должно закончиться докторской защитой. Он говорил: «Хочу сделать тебе что-то полезное».

**И еще один штрих.** Я посвятил восемь лет написанию истории юридического факультета. Когда у нас с Владимиром Никифоровичем зашла об этом

речь, он упрекнул меня, что я «предатель» и пишу историю не родного факультета. Он очень любил свой факультет. Он сказал, что хочет написать не историю факультета, а книгу о деканах исторического факультета. Это незаслуженно забытые имена и он хотел восстановить справедливость. На мое замечание что: «Все деканы исторического факультета были гонимыми и непризнанными». Он сказал: «Все, кроме меня одного!» Это было за год до того, как он отдал кафедру своему ученику. Потом, через несколько лет, он скажет: «Да, сия чаша не миновала и меня...»! После того, как на факультете, где Владимир Никифорович проработал 10 лет деканом -- для него не нашлось часов для его оформления на работу! Я был с ним, когда он узнал об этом. Он вышел из дверей истфака отрешенный, весь чёрный... Кафедра состоялась без него и не нашла для него нагрузки., я не знал, как себя вести. С этого периода он стал жаловаться на здоровье: «Как будто целый танк на меня давит».

Последние годы он работал и жил в Николаеве. Я был у него в родительском доме три раза и полюбил этот дом. Он приезжал в Одессу, встречался в кафе на Пастера с друзьями и коллегами с исторического факультета. Старался быть в курсе факультетской и их жизни. Он спрашивал, они рассказывали, я наблюдал...

Мне очень не хватает его разговоров, его слов, его адреналина. Я у него учился жизненным вещам! Он стал для меня учителем жизни! Он все время есть в моей душе!